

С. Курий

"КРОКОДИЛ" ВЫХОДИТ НА НЕВСКИЙ...

Само появление детской поэзии в России и её дальнейший расцвет в СССР неразрывно связаны с именем Корнея Ивановича Чуковского. Даже на фоне таких талантов, как С. Маршак и А. Барто, он до сих пор продолжает возвышаться огромной самородной глыбой.

Думаю, любой из вас с легкостью продолжит такие строки, как: "Ехали медведи..... "; "Как я рад, как я рад, что"; "- Кто говорит? - Слон. - Откуда? -"; "И подушка, как"; "Муха, Муха-Цокотуха -"; "Маленькие дети, ни за что на свете -"; "Ох, нелегкая эта работа -".

Если же не сможете, то значит вы росли в какое-то другое время в какой-то другой стране.

*"Ты строго Чарскую судил.
Но вот родился "Крокодил",
Задорный, шумный, энергичный, -
Не фрукт изнеженный, тепличный, -
И этот лютый крокодил
Всех ангелочков проглотил
В библиотеке детской нашей,
Где часто пахло манной кашей..."*

(С. Маршак)

История создания этой сказки изрядно запутана и запутана не без помощи самого автора. Особо любопытных отсылаю к замечательной работе М. Петровского "Крокодил в Петрограде". Я же перескажу эту историю вкратце.

Итак, по одним воспоминаниям Чуковского первые наброски "Крокодила" он читал еще в 1915 г. "на Бестужевских курсах". По другим – идею написать произведение для детей ему подкинул М. Горький осенью 1916 г., сказав: "Вот вы ругаете ханжей и прохвостов, создающих книги для детей. Но ругательствами делу не поможешь. Представьте себе, что эти ханжи и прохвосты уже уничтожены вами, - что ж вы дадите ребенку взамен? Сейчас одна хорошая детская книжка сделает больше добра, чем десяток полемических статей... Вот напишите-ка длинную сказку, если можно в стихах, вроде "Конька-горбунка", только, конечно, из современного быта".

Эта версия подтверждается и следующим заявлением Чуковского: "Говорили, например, будто здесь с откровенным сочувствием изображен поход генерала Корнилова, хотя я написал эту сказку в 1916 году (для горьковского издательства "Парус"). И до сих пор живы люди, которые помнят, как я читал ее Горькому – задолго до корниловщины".

И, наконец, по третьей версии всё началось с импровизированного стихосложения для маленького больного сына.

К. Чуковский: "...случилось так, что мой маленький сын заболел, и нужно было рассказать ему сказку. Заболел он в городе Хельсинки, я вез его домой в поезде, он капризничал, плакал, стонал. Чтобы как-нибудь утихомирить его боль, я стал рассказывать ему под ритмический грохот бегущего поезда:

Жил да был

Крокодил.

Он по улицам ходил...

Стихи сказались сами собой. О их форме я совсем не заботился. И вообще ни минуты не думал, что они имеют какое бы то ни было отношение к искусству. Единственная была у меня забота – отвлечь внимание ребенка от приступов болезни, томившей его. Поэтому я страшно торопился: не было времени раздумывать, подбирать эпитеты, подыскивать рифмы, нельзя было ни на миг останавливаться. Вся ставка была на скорость, на быстрейшее чередование событий и образов, чтобы больной мальчуган не успел ни застонать, ни заплакать. Поэтому я тараторил, как шаман...".

Как бы то ни было, достоверно известно, что первая часть "Крокодила" к концу 1916 года была уже закончена. И, хотя никакого пропагандистского или политического смысла сказка не несла, в нее всё же вплелись реалии времени – Первой мировой войны и последних лет буржуазного мира.

Само "появление" Крокодила на улицах города тогда никого особо не удивляло - в народе уже давно были популярны песенки вроде "По улице ходила большая крокодила..." и "Удивительно мил жил да был крокодил...". Петровский утверждал, что на образ, всё глотающей, рептилии могла повлиять и повесть Ф. Достоевского "Крокодил, или случай в Пассаже", чтение которой Чуковский слышал у своего друга И. Репина.

Никаких вопросов у тогдашних читателей не вызывало и возмущение народа по поводу того, что Крокодил говорит по-немецки. Во время 1-й мировой антигерманские настроения были настолько сильны, что даже Петербург переименовали в Петроград, и плакаты "По-немецки говорить воспрещается" действительно висели в городе. По улицам еще ходят городовые, а "доблестный Ваня Васильчиков" гордится тем, что "без няни гуляет по улицам".

Центральным персонажем детского стихотворения впервые становится героический ребенок, который, взмахнув "своей саблей игрушечной" заставляет страшилище вернуть проглоченных. Вымоливший пощаду Крокодил, возвращается в Африку, где рассказывает царю Гиппопотаму о мучениях их "братьев", заточенных в зверинцах. Возмущенные звери идут войной на Петроград, и горилла похищает девочку Лялю (прообразом которой послужила дочка художника З. Гржебина - "очень изящная девочка, похожая на куклу").

Забавно, как строки из сказки Чуковского:

"...На трубу вспорхнула,

Сажу зачерпнула,

Вымазала Лялю,

Села на карниз.

Села, задремала,

Лялю покачала

И с ужасным криком

Кинулася вниз",

спустя время отзовутся в популярной песенке С. Крылова:

"...Девочка, волнуясь, села на карниз

И с ужасным криком кинулася вниз,

Там соединились детские сердца,

Так узнала мама моего отца".

Разумеется, Ваня Васильчиков снова одерживает легкую победу, и сказка заканчивается таким близким народу России 1916 г. призывом к миру:

*"Живите вместе с нами,
И будемте друзьями:
Довольно мы сражались
И крови пролили!
Мы ружья поломаем,
Мы пули закопаем,
А вы себе спилите
Копыта и рога!"*

Яркий динамичный сюжет с непрерывным каскадом приключений и героем-сверстником уже был прорывом в затхлом болоте детской поэзии. Но не менее (а скорее более) важным оказалось другое новаторство Чуковского - необычная стихотворная форма сказки. Писатель одним из первых начал приглядываться к такому явлению, как массовая культура, которая шла на смену старому фольклору. Ненавидя ее за пошлость, примитивность и просчитанные дешевые клише, Чуковский тем не менее пытался понять, чем она привлекает массы и как можно, с одной стороны, "облагородить" некоторые ее приемы, а с другой - ввести эти приемы в качественную "высокую" поэзию.

Эта же идея занимала и Александра Блока. Недаром многие исследователи справедливо указывают на сходство поэтических приемов в поэме "Двенадцать" (1918) и "Крокодиле". Это и постоянная смена ритма, и использование в тексте стихотворения языка плаката, разговорной речи, частушки, детской считалки, городского романса.

С. Маршак:

"Первый, кто слил литературную линию с лубочной, был Корней Иванович. В "Крокодиле" впервые литература заговорила этим языком. Надо было быть человеком высокой культуры, чтобы уловить эту простодушную и плодотворную линию. "Крокодил", особенно начало, - это первые русские "Rhymes".

А. Блок "12":

"Ветер веселый

И зол и рад.

Крутит подолы,

Прохожих косит,

Рвет, мнет и носит

Большой плакат:

"Вся власть Учредительному Собранию"...

И слова доносит:

...И у нас было собрание...

...Вот в этом здании...

...Обсудили -

Постановили:

На время - десять, на' ночь - двадцать пять...

...И меньше - ни с кого не брать...

...Пойдем спать..."

К. Чуковский "Крокодил":

*"...А яростного гада
Долой из Петрограда!"*

А. Блок "12":

*"Вот так Ванька - он плечист!
Вот так Ванька - он речист!
Катьку-дуру обнимает,
Заговаривает...
Запрокинулась лицом,
Зубки блестя жемчугом...
Ах ты, Катя, моя Катя,
Толстоморденькая..."*

К. Чуковский "Крокодил":

*"Рассердился народ,
И зовёт, и орёт:
- Эй, держите его,
Да вяжите его,
Да ведите скорее в полицию!"*

*Он вбегает в трамвай,
Все кричат: - Ай-ай-ай! -
И бегом,
Кувырком,
По домам,
По углам:
- Помогите! Спасите! Помилуйте!"*

Во время Блоковских чтений 1920 года, на которых Чуковский произносил вступительную речь, из зала пришла записка с просьбой к авторам прочесть поэму "12" и... "Крокодила".

Так появляется знаменитая "корнеева строфа", которая завершается строчкой, которая не рифмуется с предыдущими и написана в другом размере.

Изменения ритма в стихах Чуковского происходит постоянно в тесной связи с происходящим. То тут, то там слышны отзвуки русской классики. Так монолог Крокодила -

"О, этот сад, ужасный сад!

Его забыть я был бы рад.

Там под бичами сторожей

Немало мучится зверей..." -

напоминает ритмы "Мцыри" Ю. Лермонтова, а

*"Милая девочка Лялочка!
С куклой гуляла она
И на Таврической улице
Вдруг увидала Слона.
Боже, какое страшилище!
Ляля бежит и кричит.
Глядь, перед ней из-под мостика
Высунул голову Кит..." -*

"Балладу о великих грешниках" Н. Некрасова.

Ну, а вереница африканских зверей вполне могла быть вдохновлена "африканской" поэмой "Мик" Н. Гумилева. Правда, по словам Чуковского, сам Гумилев "Крокодила" недолго любил, видя в нем "насмешку над зверьми".

Что до ритмического разнообразия и поэтических "гиперссылок", то Чуковский считал, что именно так детские стихи должны подготовить слух ребенка к восприятию всего богатства русского поэтического языка. Недаром Ю. Тынянов полушутя-полусерьезно посвятил Корнею Ивановичу следующий стишок:

*"Пока
Я изучал проблему языка
Ее вы разрешили
В "Крокодиле".*

И хотя авторская ирония присутствует в "Крокодиле", сказка от этого не превращается в пародию - именно за это ее безумно полюбит самая разная детвора - от дворян до беспризорников. Здесь не было сюсюканья взрослого и скучной нравоучительности, поэтому Ваня Васильчиков воспринимался, как "свой", настоящий герой.

На это не раз указывал и сам Чуковский: "...К сожалению, рисунки Ре-Ми, при всех своих огромных достоинствах, несколько исказили тенденцию моей поэмы. Они изобразили в комическом виде то, к чему в стихах я отношусь с пиететом.

...Это поэма героическая, побуждающая к совершению подвигов. Смелый мальчик спасает весь город от диких зверей, освобождает маленькую девочку из плена, сражается с чудовищами и проч. Нужно выдвинуть на первый план серьезный смысл этой вещи. Пусть она останется легкой, игривой, но подспудом в ней должна ощущаться прочная моральная основа. Ваню, напр., не нужно делать персонажем комическим. Он красив, благороден, смел. Точно так же и девочка, которую он спасает, не должна быть карикатурной... она должна быть милая, нежная".

В общем, цель Чуковского - "создать уличную, несалонную вещь, дабы в корне уничтожить ту приторно-конфетную жеманность, которая была присуща тогдашним стихам для детей" - удалась на все сто.

Правда, взрослая буржуазная публика восприняла "Крокодила" неоднозначно. Изд-во Девриена вернуло рукопись, сопроводив ее пренебрежительным - "Это для уличных мальчишек".

Корней Чуковский: "Мне долго советовали, чтобы я своей фамилии не ставил, чтобы оставался критиком. Когда моего сына в школе спросили: "Это твой папа "Крокодильчиков" сочиняет?", - он сказал: "Нет", потому что это было стыдно, это было очень несолидное занятие...".

Когда же в 1917 г. сказка под названием "Ваня и Крокодил" стала печататься в журнале "Для детей" (приложении к журналу "Нива") взрослые снова начали возмущаться и после 3-го номера издание чуть было не прикрыли. Но натиск детей, требующих продолжения, пересилил. "Крокодил" публиковался во всех 12-ти номерах журнала, застав и падение монархии, и падение Временного правительства (недаром к сказке было шуточное примечание: "Многие и до сих пор не знают, что лев уже давно не царь зверей. Звери свергли его с престола...").

Молодая Советская власть отреагировала на сказку Чуковского довольно неожиданно. В 1919 г. издательство Петросовета, располагающееся прямо в Смольном, решило не просто издать "Крокодила", но издать его в альбомном формате с иллюстрациями Ре-Ми (Н. Ремизова) и тиражом в 50 тыс. экз. Мало того - какое-то время книга раздавалась бесплатно!

В большинстве источников Петросоветское издание датируется 1919 г., хотя сам писатель в статье "В защиту "Крокодила" указывает 1918 г.

И этот тираж, и переиздание в Новониколаевске (нынешнем Новосибирске) разошлись мгновенно.

На обложке было две, немыслимые ранее для детской литературы, надпись "ПОЭМА для маленьких детей" и посвящение "моим ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫМ детям - Бобе, Лиде, Коле".

К. Чуковский: "...мне кажется, что в качестве самой длинной изо всех моих эпопей он для ребенка будет иметь свою особую привлекательность, которой не имеют ни "Муха-цокотуха", ни "Путаница". Длина в этом деле тоже немаловажное качество. Если, скажем, "Мойдодыр" - повесть, то "Крокодил" - роман, и пусть шестилетние дети наряду с повестями - услаждаются чтением романа!"

***Так в русскую литературу на полных правах
вошла детская поэзия,
литературный критик неожиданно
сам для себя превратился в сказочника,
а Крокодил Крокодилович стал неизменным
персонажем большинства его сказок.***